

(1995)

р. 898

2 Психология

Природа и измерения личностной идентичности

РВ буквальном смысле *абсолютного сходства*, личностной идентичности (*я есть я*) не существует! Межличностная идентичность (*я - другой*) также не существует, даже в случае однояйцевых близнецов. Коллективная идентичность также невозможна, поскольку члены "*мы*", в лучшем случае, "*похожи*". И все же, вариации не могут существовать без некоторого структурного инварианта, позволяющего проводить сравнение. Поэтому важно учитывать парадоксальный характер идентичности, которая конструируется через противостояние сходства и различия. Это была Е. Заслуга Эриксона состоит в том, что около 1950 года он ввел в гуманитарные науки систематическое размышление о личной и социальной идентичности. Несмотря на это открытие, ученые избегали исследований на эту тему, интерес к которой возродился только в конце 1970-х годов, после того как различные движения сосредоточились на потере, поиске или утверждении множественной идентичности. Отвращение к субъекту может быть также частично объяснено спасительной реакцией против монадического, эгоцентрического или социоцентрического "*я*" или "*мы*". Но нельзя долго молчать о понятии под предлогом идеологического подтекста, не объясняя факты, которые оно должно было передать другим способом.

В ограниченном смысле личная идентичность касается "*чувства идентичности*" (*idem, meme*), т.е. того факта, что индивид воспринимает себя одним и тем же, остающимся одним и тем же с течением времени. В более широком смысле его можно приравнять к "*системе чувств и представлений*", с помощью которых субъект сингуляризирует себя (*is dem, ipséité*). Таким образом, моя идентичность - это то, что делает меня похожим на себя и отличным от других; это то, что заставляет меня чувствовать, что я существую как в своих *характерах* (свойствах, функциях и социальных ролях), так и в своих *личных* действиях (значениях, ценностях, ориентациях). Моя идентичность - это то, благодаря чему я определяю и знаю себя, то, благодаря чему я чувствую себя принятым и признанным другими людьми. На самом деле, измерения личностной идентичности в значительной степени зависят от *идеологий человека*, которые проходят через данную культуру.

Первое измерение, *непрерывность*, позволяет субъекту позиционировать себя в индивидуальном и коллективном времени и пространстве; во временном горизонте и на личной территории, а также в истории и географии социальных и культурных групп референции. Второе измерение, *интеграция*, внутрисистемная согласованность, может быть ассимилирована с функцией личности, если мы определим ее как координацию поведения в контролируемом времени и пространстве. Но для того, чтобы идентичность утвердилась в качестве относительно единой и непрерывной системы, она должна быть изначально поставлена и снова поставлена в своих последовательных моментах, посредством актов *разделения*, расширения возможностей и утверждения, посредством когнитивной *дифференциации* и аффективной *оппозиции*. Без этого человек

становится отчужденным в зависимости, разбавленным в ассимиляции с другими. Это третье измерение, связанное с предыдущими, показывает негомогенный характер идентичности, которая неразрывно связана с личным и социальным и предполагает постоянные усилия по дифференциации и утверждению, которые немедленно ограничиваются социальным соответствием или потерей себя в другом; постоянные усилия по объединению, интеграции и гармонизации, которые немедленно отрицаются и постоянно возобновляются.

К отделению от внешней среды добавляются *расщепление*, внутреннее расщепление, внутрисистемная дифференциация, без которых невозможна никакая ментализация. Таким образом, идентичность устанавливается, как это ни парадоксально, на основе *двойной "дуализации"*: дуализации "Я-другой" путем отделения, за пределами первичного симбиотического единства, и дуализации "Я-Я" путем внутренней дифференциации (создание внутреннего, ментального, реально-виртуального пространства...). Это четвертое измерение поднимает вопрос о связи между единством и разнообразием *самости*, состоящей из множества идентичностей, территорий и разнообразных владений: мое тело, мое имя, мои корни, мои права и обязанности, мои позиции и роли, все люди, животные или предметы, в которые я вкладываю столько частей себя. Из этого разнообразия я могу извлечь обогащение или отчуждение, сводя бытие к обладанию. Пятое измерение касается *уникальности*, ощущения *неповторимости*. К идентичности как единству и непрерывности (похожесть на себя) добавляется идентичность как несравнимая структура (непохожесть ни на кого другого). С шестым измерением, согласно которому идентичность коренится и живет в *действии* и производстве *произведений*, мы оставляем позади чисто когнитивистскую концепцию идентичности, представленную как набор саморепрезентаций, отделенных от практической деятельности. Идентичность не сливается с этими практиками, но она ориентирует их и придает им смысл. И наоборот, вовлеченность, действие над объектами и ситуациями, социальное взаимодействие и творчество способствуют утверждению, укреплению или трансформации идентичности. Седьмое предложенное измерение касается *позитивности* идентичности. Она устанавливается как ценность и через ценности. Человек склонен ценить себя как в конформных действиях, так и в оригинальном и маргинальном поведении. Лучшим примером этого является эффект P.I.P. (*primum inter pares*) или "превосходного самосоответствия", согласно которому каждый человек хочет "утверждать, что он или она в большей степени соответствует действующим нормам, чем другие" (Ж.-П. Кодол). Для того чтобы ценить себя в собственных глазах и в глазах других, каждый

р. 899

в зависимости от доминирующей или ценимой нормы представляет себя как более кооперативную, или более конкурентную, или более творческую.

Эти различные измерения могут выглядеть как слишком статичные составляющие идеальной идентичности, более или менее морализованной, "полного" субъекта, позитивного и безупречного, где другой вмешивается только как аналог или зеркало. Напротив, мы можем думать вместе с Р. Сен-Сансом, что "индивидуальность [является] не исходной сущностью, на которой затем строится социальный мир, а скорее результатом игры отношений, социально вписанных в опыт борьбы и конфликта". Таким образом, идентичность не является чисто когнитивной организацией; она возникает и развивается в критические периоды, когда человек страстно вовлечен в свои отношения с тем внешним другим, который оскорбляет, сдерживает и/или привлекает его, и который является для него источником амбивалентности. Конфликт также является внутрилличностным, по отношению к этому *внутреннему* другому, этому "фантому другого, который каждый носит в себе" (Анри Валлон). Как сказал Эммануэль Мунье, "постоянство "я" заключается не в сохранении идентичности, а в поддержании диалектического напряжения и преодолении периодических кризисов". Поэтому понять

идентичность - значит пролить свет на процессы, которые организуют ее историческое создание, оспаривание, утрату или повторное присвоение.

Генезис идентичности

Можно выделить три основные фазы в построении идентичности, начиная с детства и заканчивая подростковым возрастом: первичная индивидуация, категориальная идентификация и персонализирующая идентификация.

Первичная индивидуация охватывает первые три года, в течение которых ребенок переходит от элементарных спонтанных действий к организованному поведению. В течение первого года он учится конструировать свое тело, воспринимать его как контролируемую совокупность по отношению к объектам, постоянство которых он постепенно конструирует. Однако этот прогресс сопровождается сильной зависимостью от других и неспособностью организовать рефлексивное осознание самого себя. Сознание на мгновение погружается в непосредственные действия, во время которых ребенок испытывает определенное бессилие выполнить их. Именно это чувство бессилия толкает ребенка на втором году жизни к тому, чтобы подчинить свое поведение правилам или моделям, через *подражание*, будь то двигательное, языковое или эмоциональное. Однако примерно в возрасте 18 месяцев появляются противоречивые формы поведения. Привязанность, зависимость и идентификация чередуются с реакциями ревности, собственничества и *противостояния*. Таким образом, первые признаки идентичности проявляются в стремлении найти и сохранить оптимальную дистанцию от других (ни слишком близко, ни слишком далеко). Чтобы уменьшить этот конфликт, ребенок идентифицирует себя с матерью, которая фрустрирует и говорит "нет" (Р. Спитц); таким образом, он присваивает себе ее власть отказа и запрета. Между 20 и 30 месяцами ребенок делает новые завоевания, в частности, способность назвать себя, а позже сказать "я", способность делать замены, переносы и воображаемые идентификации в игровой деятельности, а также узнавание себя в зеркале. Эти достижения включают в себя способность двоиться, менять положение, отделять реальное пространство и время от воображаемого пространства и времени. Но именование, вымысел или зеркальное отражение - это результат, а не источник способности представлять себя. Именно в действии на других и с другими, через разделение, но через общение, ребенок развивает свою способность к интернализации и представлению. В любом случае, Рене Заззо смог показать, что зрительное распознавание происходит позже, чем принято считать (Жак Лакан предполагал, что оно приобретается между 6 и 18 месяцами, во время так называемой "стадии зеркала"!)

В своих экспериментах с однояйцевыми близнецами Заззо также подчеркнул тот факт, что образ *близнеца* (другого близнеца) препятствует развитию *психического двойника* и распознаванию *зеркального двойника* ("себя" в зеркале). Считается, что близнецовая ситуация имеет "парализующую зеркальную функцию": "для формирования самовосприятия необходим образ другого, который контрастирует с ним, который отличается". Идентификация с самим собой происходит от идентификации с другими, а не от визуального постижения тотальности тела. Мы можем привести здесь расхождения, которые противостоят психоаналитикам по поводу возникновения первичного нарциссизма. По мнению одних (Лакан), спекулярное присвоение образа собственного тела является двигателем нарциссического всемогущества; по мнению других (Д. Лагаш, Д.В. Винникотт...), всемогущество связано с восприятием лица матери и с ее актами соблазнения. Вторая гипотеза кажется более - удовлетворительной: зеркальное отражение не создает ни ментального представления "я", ни его аффективного вложения; противоположное, несомненно, верно.

Начиная с третьего года жизни, ребенок претерпевает важные изменения. Его языковой и интеллектуальный прогресс и расширение его отношений с другими приводят к тому, что он выходит из процессов дуализации и достигает когнитивных и социальных категорий. Прогресс оперативного мышления позволяет

ему конструировать, среди прочего, свои "социальные идентичности", через игру *социального сравнения* (Фестингер), выделение сходств и различий. В этом отношении Эдипов процесс является хорошим примером категориальной путаницы (полов и поколений), требующей прояснения и преодоления в пользу идентификации с родителем того же пола, за которой позже следует идентификация со сверстниками. Но категориальная идентификация и групповой конформизм рискуют свести субъекта к его социальной идентичности, запереть его в роли и ожидания, определенные вне его. Только возникновение желания творить позволяет ребенку уберечься от отчуждения в социальную личность. Индивид испытывает потребность в *социальной несравнимости* (Лемейн), желание быть "-подлинно" самим собой (но можно ли отделить истинное "я" от ложного, как это делает Винникотт?).

Пубертатные мутации, прогресс в формальном интеллекте и "глобализация интересов" провоцируют настоящую мутацию ориентации и системы ценностей в подростковом возрасте, что может привести к кризису идентичности. Субъект больше не принимает свои детские идентификации или соответствие семейным или школьным правилам и моделям. Затем он или она стремится укрепить или восстановить свою идентичность посредством возвеличивания, императивного утверждения мнений и жесткости установок. Организуя возможности, - *идентифицируясь с проектами, независимо от того*, структурированы ли они как жизненные проекты или эго-идеалы, подросток может избежать зависимости и нарциссического увлечения, соответствия группе или эгоцентрического соперничества. Но идентификация с проектом может в свою очередь стать отчуждающей, если она замыкает субъекта в новых жестких рамках и если стремления слишком разобщены с текущими действиями и ситуациями. Только сотрудничество и критическая бдительность позволяют поместить проект в рамки реализма взаимодействий и динамики достижений.

« *identisation* » - это, по сути, постоянный и иллюзорный, но необходимый - и продолжающийся всю жизнь - поиск. В этом парадокс идентичности: "я" может быть только через посредничество желания стать "другим", чтобы заполнить пробел. Этот другой - идеал самости, в свою очередь соединенный с собой, - будет проецировать себя в другой проект, и это в бесконечной референции, стремящейся бросить вызов смерти даже посредством произведений. « *Identisation* » - это не состояние или обладание; она постигается только в кризисе и поддерживается путем принятия (принятия ответственности, принятия позиции, роли или слова...); она постоянно поддерживается новыми идентификациями. « *identisation* » - это история кавалькады идентификаций, которые, как и многие другие иллюзии, всегда должны быть отброшены, чтобы быть сделанными, что иногда вызывает дисфункции, которые мы называем расстройствами идентичности.

ПЬЕРР ТАП